

что автор решил исключить две сцены, но затем их восстановил, и, может быть, переработал), но ни одна не будет находить достаточных доказательств.

3

Теперь оказывается возможным реконструировать, хотя и с большими пробелами, процесс заполнения *A*.

В какой-то момент автору потребовалось переписать черновик, представлявший предположительно первую редакцию комедии. Новый список мыслился, по-видимому, как промежуточный между исходным черновиком и окончательным беловым текстом.

К работе приступил сам автор (вспомним принятое двойное значение этого слова). Он заполнил полторы страницы первого листа, а следующие полстраницы, начиная с третьей реплики {«*Иванушка*. Я не хочу больше читать <...>»), дописал кто-то другой. Почему его порция оказалась столь невелика — остается загадкой, но должно быть категорически отведено самое привлекательное для литературоведа и на первый взгляд убедительное предположение о том, что автор взял на себя части, которые собирался переработать, а переписчика поручал фрагменты, требовавшие лишь механическое перебеливание черновика: в конце тетради переписчику были переданы именно те страницы, где была необходима значительная авторская правка по существу содержания.

Участие привлеченного лица было мимолетным. Далее продолжал сам автор. Второе и третье явления первого действия он почему-то написал на отдельных листах, которые вложил в тетрадь на соответствующее место. Ограничиться ролью копииста он, естественно, не мог и по ходу правил текст. Полный объем изменений определить нет возможности, но отчетливо обнаруживается их непоследовательный характер: реплики и ремарки, в которых упоминается Добромислов и его дети, не были приведены в согласие с составом действующих лиц, из которого еще, наверное, в черновике был исключен «мальчик».

Дойдя до последней строки на обороте л. 6 (8), автор на середине фразы оборвал работу и поручил ее переписчику, но не тому, с которым имел дело ранее. Переписчик дошел до конца явления (это составляет около 2/3 страницы), и рукопись снова взял автор, но лишь для того, чтобы дописать страницу и начать следующую. Каковы бы ни были причины этой фрагментарности, неувязка в отношении числа гостей (ср. с. 270) прошла мимо внимания автора, когда он переносил в тетрадь реплику Федула.¹³

¹³ Эта неувязка, перешедшая, несомненно, из черновика, лишает убедительности предположение В. Н. Всеволодского-Гернгросса, согласно которому автор взял рукопись для того, чтобы написать новую редакцию второго явления [2, с. 367]. Выше было показано, что в переходе рукописи от автора к переписчику и обратно не обнаруживается закономерностей,